

К сожалению, он понял это слишком поздно. Всё произошло настолько внезапно: младший сын с детства не знал невзгод и лишений — как заставить этого чуждого мирской суете ребенка вдруг вспылать амбициями и жаждой властвовать над Поднебесной?

Разум, удерживаемый лишь волей Императора, постепенно угасал; от усталости его голова бессильно склонилась набок.

Склонивший было голову седьмой принц тут же ловко протянул руки, поддерживая Императора за плечи. Одной рукой он перекинул руку венценосного отца через свою шею, а другой подхватил его под поясницу, пытаясь осторожно подать вперед, чтобы уложить того поудобнее.

Боясь потревожить рану отца, он действовал крайне осторожно, продвигая его вперед буквально по сантиметру.

Император повернул голову к сыну, глядя на его по-детски пухлое лицо, еще не обретшее мужских мужественных черт, и тихо спросил:

— Чего ты боишься? Действуй решительнее. Если Я даже Сам поднять Мое тело не могу, как ты в будущем удержишь на своих плечах империю предков?

Седьмой принц упрямо возразил:

— Отец устоит сам.

— Твой отец устал.

— Лекари дадут лекарство, и отец быстро поправится. Найдем старшего брата и пятого, они вернутся и заберут меня обратно во дворец.

Император обеспокоенно нахмурился и с тяжелым сердцем посмотрел на сына, все еще не готового стать взрослым мужчиной. Он тихо спросил:

— Вансунь Цзя спросил: «Что означают слова: „Чем заискивать перед божеством очага, лучше заискивать перед божеством культа?“»

Седьмой принц упрямо молчал, не желая продолжать цитату.

Император потребовал:

— Отвечай Мне.

Седьмой принц тихо пробормотал:

— Учитель сказал: «Не так. Провинившийся перед Небом не имеет того, кому молиться».

— Верно, — произнес Император. — В этом — основа благородного мужа. Ты с детства твердил, будто тебе ведомы манеры благородного мужа. Но благородный муж ни к кому не пристраивается и никогда не полагается на чужую опору. Когда гора рушится, если ты не умеешь стоять на собственных ногах, то лишь разобьешься вдребезги вместе с ней. Подумай о своей матушке-наложнице: она может лишь цепляться за Меня, словно за гору. И если ты сам не встанешь на ноги, неужели ты готов смотреть, как твоя матушка-наложница рухнет вместе со Мной и разобьется насмерть?

Седьмой принц, наконец, с обидой посмотрел на отца:

— Дождемся, когда вернутся старший брат и пятый, и они возьмут это бремя на себя.

— Я уже выбрал тебя! — Император собрал последние силы и величественно уставился на сына: — Лу Цянь, сможешь ли ты вынести это?

Седьмой принц отвел взгляд.

— Лу... кхе... кхе-кхе! — от волнения Император зашелся приступом кашля.

Седьмой принц поспешно натянул легкое одеяло, укрывая отца, и вымученно уступил:

— Ваш слуга справится.

Переведя дыхание, Император строго надавил:

— Я не услышал.

Седьмому принцу ничего не оставалось, как собравшись с духом, выкрикнуть:

— Ваш слуга справится!

Император наконец облегченно вздохнул. И едва это напряжение спало, его сознание тут же помутилось. В забытьи он успел лишь пробормотать сыну:

— Генерал-губернатор Северо-Запада подчиняется Тун Нинчжао, Я еще не... ты пока... не можешь...

Седьмой принц прижался ухом к самым губам отца, пытаясь разобрать его последние приказания.

Но сознание Императора окончательно угасало, он бормотал бессвязно:

— Ты не должен... спешить подрезать... крылья семье Тун... Кабинет министров и министерства... не спеши менять людей, сначала привлеки... привлеки на свою сторону...

Седьмой принц так и остался стоять, склонившись над отцом, но продолжения наставлений так и не последовало.

— Отец? Отец! — Седьмой принц резко повернул голову и закричал: — Лекаря!

Дежуривший за дверью придворный лекарь тут же вбежал внутрь. Пощупав пульс, он сообщил маленькому принцу, что Император не оправился от ран и ему необходим покой.

Глаза седьмого принца покраснели, но, услышав, что отец всего лишь уснул, он взял себя в руки, вернув себе подобающее принцу величие перед лекарем.

Когда лекарь удалился, седьмой принц осторожно прилег рядом с Императором и уткнулся своим пухлым личиком в его сгиб локтя, словно волчонок, прижавшийся к умирающей матери в поисках последнего тепла.

*

Пробила вторая ночная стража, а пухлый малыш так и не вернулся. Лу Цзыяо сидел в одиночестве у колышущегося огонька свечи.

Шестой принц уже успел рассказать ему о том, что Император решил сменить наследного принца.

Эта внезапная перемена казалась совершенно невероятной.

Лу Цзыяо никак не мог взять в толк: как Император мог ни с того ни с сего доверить всю страну сыну-хаски? И это в то самое время, когда первый принц пропал без вести, а третий принц набрал силу!

Выставлять пухлого малыша мишенью в такой момент — какой в этом умысел?

Уж лучше бы сразу назначил наследником третьего принца — хотя бы избавил его подопечного от лишней ненависти и вражды.

Ужасные события еще не успели произойти, но в душе Лу Цзыяо уже царил полный хаос.

Почему пухлый малыш до сих пор в императорском шатре?

Вдруг он уже вышел, и его схватили люди третьего принца?

От этой мысли Лу Цзыяо вновь накинул верхнюю одежду, вышел из шатра и стал вглядываться в темноту, сгорая от нетерпения и тревоги.

За следующие три дня Император так и не пришел в сознание, а его пульс становился все слабее и тревожнее с каждым днем.

Придворные и военные лекари в конце концов решили хвататься за любую соломинку и пригласили в свой врачебный совет «шамана» Лу Цзыяо.

До этого Лу Цзыяо использовал привезенные из дворца инструменты — сделанный по образцу современного шприца отшлифованный и покрытый лаком поршень и иглу, выточенную из белого нефрита с просверленным отверстием. После дезинфекции и сборки он пробовал делать уколы раненым солдатам в руки.

Однако из-за отсутствия мягкого поршня-уплотнителя лекарство просто выдавливалось из задней части шприца, и сделать инъекцию было невозможно.

Тогда Лу Цзыяо вспомнил, что покупал одно европейское снадобье, в упаковке которого прилагалась медицинская резиновая пипетка. Соединив эту пипетку с иглой и сжимая ее, он наконец сумел осуществить укол.

Состояние раненого солдата улучшилось.

Только после этого Лу Цзыяо получил допуск к лечению Императора по принципу «а вдруг работает».

Увидев Императора, Лу Цзыяо заподозрил неладное.

Симптомы Императора совершенно не походили на столбняк, да и цвет лица отличался.

У Императора не наблюдалось никаких типичных мышечных спазмов.

По идее, инкубационный период столбняка составляет более недели, тогда как с момента ранения Императора до его возвращения в лагерь прошло всего три дня, и доставили его уже в крайне слабом состоянии.

Судя по диагнозу врачей, рана от стрелы была не слишком глубокой и не вызвала спаек кишечника или иных осложнений. Состояние Императора больше походило на отравление.

Лу Цзыяо пришел к выводу, что врачи оказались правы: стрела киданей, подло ранившая Императора, скорее всего, была отравлена смертоносным ядом замедленного действия.

Хотя эта догадка навевала отчаяние, она не помешала ему предпринять последнюю попытку и ввести Императору лекарство.

Попытка Лу Цзыяо не переломила ход болезни, но и усугубления состояния не вызвала.

Император продолжал находиться в глубокой коме.

Выходит, и в прошлой жизни Император скончался от яда, так и не успев сделать распоряжения на случай своей смерти.

Кидани отравили стрелу, чтобы дать Императору медленно умереть — так они выигрывали время для спокойного отступления. Ведь гибель государя грозила им беспощадной местью и уничтожением.

Несколько чиновников-гражданских сгорали от нетерпения и предложили седьмому принцу отдать приказ: потребовать от Тун Нинчжао отвести войска обратно в Гуандун, а силам генерал-губернатора Северо-Запада приказать разойтись по местам дислокации, оставив здесь лишь императорскую гвардию для ожидания послов от киданей.

Официальный предлог заключался в том, что война окончена: правитель киданей потерпел сокрушительное поражение и не сможет форсировать реку для контратаки, а если все три армии останутся здесь, не хватит провизии.

На самом же деле Император лишился чувств, а новый наследник трона не мог вот так сразу объединить вокруг себя сторонников наследного принца — многие фракции, скорее всего, предпочли бы занять выжидательную позицию.

Буря приближалась.

Армия семьи Тун могла в любой момент расчистить путь третьему принцу, войска генерал-губернатора Северо-Запада оставались нестабильным фактором, и полностью положиться можно было лишь на императорскую гвардию.

Сановники надеялись, что седьмой принц сначала вырвется из окружения сил третьего принца, а затем с императорским указом во главе гвардии вернется в столицу, где сможет созвать войска со всей страны для защиты столицы и укрепления своих позиций.

Лу Цзыяо знал, что эти сановники — люди наследного принца, а потому настоял, чтобы седьмой принц поступил так, как они советуют.

Однако приказ седьмого принца Тун Нинчжао наотрез отклонил, заявив, что исход войны еще не решен, а отвод войск без императорского указа равен мятежу и дезертирству, поэтому он не подчинится даже под страхом смерти.

Сановники в душе лишь мечтали, чтобы он и впрямь изволил сдохнуть вместе со всеми своими командующими — только тогда все вздохнули бы спокойно.

Но за спиной Тун Нинчжао стоял третий принц, а дата торжественной церемонии провозглашения седьмого принца наследником даже не была назначена. Пока он находился под давлением старшего брата и не мог проявить твердость.

Зато третий принц в тот же вечер перешел к решительным действиям: он запер под стражу всех чиновников, дававших советы, под предлогом сеяния смуты в войсках.

Лу Цзыяо тут же укрыл пухлого малыша за своей спиной, не позволяя ему больше вступать в схватку с группировкой третьего принца.

Замысел состоял в том, чтобы продержаться до возвращения в столицу, а до тех пор дожидаться первого принца, который смог бы взять ситуацию под контроль.

Система сообщила ему, что первый принц спасен, а значит, он не мог погибнуть на том берегу реки и обязательно вернется.

На третий день шестой принц и седьмой принц вместе отправились к окраине военного лагеря, всматриваясь в горизонт в надежде увидеть фигуры послов киданей на линии соединения синего неба и степи.

Однако до самого вечера послы так и не появились, и братья вернулись ни с чем.

По дороге к шатру шестой принц случайно задел плечом внезапно появившегося солдата. Тот рассыпался в извинениях и поспешно подошел стряхнуть пыль с его плеча.

<http://bllate.org/book/18379/1767137>